

Inna O. Nikitina
PhD student
European University at St. Petersburg
191187, St. Petersburg, Gagarinskaya st. 6/1 A
E-mail: solreyne@gmail.com
ORCID: 0000-0003-2696-8362

Citation

Klimova K. A., Nikitina I. O. The traditional culture and the language of the “Russian Greeks” in Sochi: A review of an ethnolinguistic expedition // *Slavic Almanac*. 2022. No 1–2. P. 249–260 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.2.06

Acknowledgements

Inna Nikitina’s work was supported by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00484.

Abstract

The traditional culture and the language of the Greek population of Sochi in July 2022 for the first time became the subject of an ethnolinguistic study by Russian researchers. The Greek population (natives of the region of Pontus, located in modern Turkey) initially appeared in these territories in the second half of the 19th century. During the Stalin era, the number of Greeks decreased significantly, however, the language (Pontic dialect of the Greek language) and elements of traditional culture in places where Greeks were densely populated are preserved to this day. In the folk calendar, family rituals, folk mythology of the modern Greek population, there are not only common Greek elements that unite the Pontic Greeks of the diaspora with the wide “Greek world”, but also characteristic features that allow us to draw a preliminary conclusion about the preservation of archaic elements of culture (the rite of making rain “koshkotera”, etc.). Many elements of traditional culture were influenced by neighboring Slavic (Russian) and other Caucasian (Armenian, Georgian) traditions.

Keywords

Traditional Greek culture, ethnolinguistics, Pontic Greeks, Pontic dialect of the Greek language, funeral and memorial rites.

УДК 94(47).063
DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

О. А. Кирикова

Панегирики первых профессоров Петербургской академии наук и их учеников

Кирикова Ольга Александровна
Старший научный сотрудник
Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
196084, ул. Киевская 5, корп. 9, стр. 1, Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: kirikova.o@bk.ru
ORCID: 0000-0002-2527-5815

Цитирование

Кирикова О. А. Панегирики первых профессоров Петербургской академии наук и их учеников // *Славянский альманах*. 2022. № 3–4. С. 261–278. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

Статья поступила в редакцию 27.06.2022.

Аннотация

В XVIII в. панегирик стал важной частью культурной жизни страны, а теперь он еще и своеобразная летопись ушедшей эпохи, живое свидетельство реальных событий. В 1735 г. президент Петербургской академии наук И. А. Корф произвел реформу Академической гимназии. Добиваясь нового академического штата, он хотел представить императрице Анне Иоанновне промежуточные итоги реформирования Академии наук. Видимо, это обусловило появление в феврале 1736 г. уникального печатного панегирика Анне Иоанновне, написанного от имени Гимназии либо ее инспектором Т. З. Байером, либо ректором латинских классов И. Э. Фишером. В статье не только впервые исследуется исторический контекст этого панегирика, но и публикуется его русский перевод, выполненный автором статьи, а также устанавливаются детали создания другого гимназического панегирика — 1731 г., стихотворный перевод которого был сделан А. Кантемиром с подстрочника И. Ильинского.

Ключевые слова

Панегирик, реформы, Петербургская академия наук, Академическая гимназия, И. А. Корф, Т. З. Байер, И. Э. Фишер, А. Кантемир.

В начале 1736 г. Петербургская академия наук ждала у себя императрицу Анну Иоанновну, что следует из короткого панегирика, написанного специально к этому дню от имени Академической гимназии. Вероятнее всего, визит готовил президент Академии Иоганн Альбрехт фон Корф (1697–1766), с курляндских времен входивший в ближний круг Анны и рассчитывавший теперь разрешить вопрос, на который вот уже год не мог добиться ответа. Еще 7 марта 1735 г. он подал в Сенат проект нового расширенного штата Академии, испросив на ее содержание 64 086 руб., что чуть ли не втрое превышало сумму, и без того выплачивавшуюся крайне нерегулярно. В своих оптимистических расчетах И. А. Корф полагался на указ императрицы, который получил при самом вступлении в должность 18 сентября 1734 г.: «...привести [Академию] в наилучшее доброе состояние и порядок»¹. Изучив тогда счета, требования и жалобы, он убедился в том, что причина всех «печальных обстоятельств» Академии — «великий недостаток в деньгах» и что хотя от ее учреждений, например от той же Гимназии, «государство честь и очевидную пользу имеет», но без поддержки все «без сомнения разрушится»². Неслучайно И. А. Корф задумал существенно перестроить Гимназию, а потому захотел особо представить ее императрице. В его планах Гимназия делилась на две самостоятельные школы: одна по-прежнему именовалась «Гимназией Петербургской академии» и предназначалась для всесословного обучения свободным наукам, другая под названием «Семинария» давала образование только дворянам. У И. А. Корфа в этом деле был единомышленник и соавтор: инспектор Академической гимназии Теофил (Готлиб) Зигфрид Байер (1694–1738). Он выдвинул свой план дворянской школы еще в 1728 г., когда пытался вывести Гимназию из кризиса, который она во многом переживала как раз из-за потери знатных учеников³. Тогдашнее руководство Академии не выказало сочувствия его планам, зато теперь их полностью поддержал И. А. Корф, поэтому в марте 1735 г. Т. З. Байер представил ему готовые проекты «Формы гимназии» и «Предложения о семинарии»⁴. Сам И. А. Корф тогда же о задачах семинарии, или «семинариума», написал так: «...[в нем]

1 СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 14. Л. 303.

2 Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. (далее – МАН). СПб., 1886. Т. III. С. 109–110, 117.

3 СПбФ АРАН. Р. IV. Оп. 1. Д. 1а. Л. 62 об.–63.

4 МАН. Т. II. С. 647–654, 654–665, 666–670, 670–683.

юношество по наилучшим средствам обучено быть имеет, что оно отсюда до вышних наук произойти может»⁵.

Содержание гимназического панегирика 1736 г. вполне соответствовало духу запланированных реформ. В нем говорилось о благотворной силе монаршего внимания и о полезности наук, которые питают юношей и в покое, и в труде. Судя по протоколам, императрица так и не посетила Академию наук в феврале 1736 г., а значит и не услышала сочиненный тогда для нее панегирик. И все же И. А. Корф не отступился от своих преобразовательных замыслов, в которых отвел место и Гимназии. Известно, что 11 июля 1736 г. он послал свою редакцию штата уже напрямую Анне, а в августе 1737 г. внес проекты Т. З. Байера в академическую комиссию, которую назначил для реформирования Гимназии⁶.

Панегирик дошел до нас в составе архивного дела «*Orationes panegyricae*», в который включены оды, описания фейерверков, объявления на немецком, латинском, французском и русском языках за 1727–1741 гг.⁷ Его текст набран типографским способом на листе размером *in folio*. Точная дата создания и автор пока не установлены, на самом печатном листе их нет, но уверенное обращение с классическими текстами, цитирование не входивших в гимназический курс П.-Ж. Сотея, Т. Гоббса и Т. Галлуци⁸ позволяет предположить, что это не проба пера какого-нибудь способного ученика, а труд зрелого мужа, опытного, не чуждого поэзии латиниста, какими были, например, инспектор Т. З. Байер и ректор Иоганн Эбергард Фишер (1697–1771). Документ лишен титульного листа, поэтому он не включен в «Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке». Произведение впервые вводится в научный оборот, его перевод выполнен автором статьи⁹.

5 МАН. Т. III. С. 114.

6 Там же. С. 108–143; Кирикова О. А. Дворянское образование в России 1730-х гг. и педагогические взгляды Леонарда Эйлера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114).

7 СПбФ АРАН. Р. VI. Оп. 1. Д. 683/О-15. Л. 170 об.–171.

8 О гимназической программе того времени можно судить, например, по проекту И. Э. Фишера 1733 г.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 9. Д. 5. Л. 30, 30 об.

9 Автор признателен Е. Ю. Басаргиной и М. Н. Казанской за помощь в переводе панегирика.

AD ANNAM AVGVSTAM,
TOTIVS RVSSIAE
IMPERATRICEM,
etc. etc. etc.
DVM
ACADEMIAM SCIENTIARVM
LVSTRAT,
ADLOCVTIO
GYMNASII PETROPOLITANI
FEBR. ANNO MDCCXXXVI.

O decus Imperii, Ruthenae gloria gentis,
Alma Parens patriae¹⁰, quam laeta ac prospera Musis
Contingunt, quas adfari coramque tueri
Haud spernis, quarum dum TV sacraria spectas,
Illustras: Ergo summis natam, atque per orbem
Arbitrium belli, AVGVSTAM, pacisque gerentem,
Totque parem curis, circum vigilantia ferre
Lumina¹¹ per minima, vt per summa negotia; magnisque
Adsuetam, parvis etiam levibusque vacare
Ceum vacuum? felix Academia munere tanto.
Sunt Maecenates, non desunt, ecce, Marones¹²,
Quorum scripta per ora virum volitant¹³, quibus vnum
AVGVSTAE Numen largas ad carmina vires
Sufficit. Atque vtinam cuncti teneantur amore
Artis et ingenii, numerosaque turba Sophorum
Crescat in immensum, Musarum docta frequentent
Castra, neque auersos capiant fastidia laudis¹⁴!
O vtinam, quibus esse licet felicibus¹⁵, omnes
Esse velint! Sed et haec olim meliora futurum¹⁶,
Non aue deceptus falsa¹⁷, neque Apolline laeua¹⁸
Auguror. At TIBI pro meritis, AVGVSTA, referre
Grates, cum nequeo, referat, qui regia coeli

10 Ср.: Aeneadum genetrix, hominum divomque voluptas, alma Venus.
Lucr. I: 1–2.

11 Ov. Her. XIX: 35–36.

12 Ср.: Sint Maecenates, non derunt, Flacce, Marones. Mart. Epig. VIII: 55(56), 5.

13 Enn. ap. Cic. Tusc. I, XV: 34–35.

14 Sautel P. J. Lusus poetici allegorici. 1689. P. 11.

15 Hobbio Th. Historia ecclesiastica Carmine Elegiaco concinnata. 1688. P. 19.

16 Так в тексте.

17 Ov. Met. V: 145–146.

18 Tarquinii Gallviti Sabini e Societate Iesv Carminvm Libri Tres. 1616. P. 72.

Tecta tenet, nostrasque preces ac vota secundat.
PETROPOLI EX TYPOGRAPHIA ACADEMIAE SCIENTIARVM.

ПЕРЕВОД

К ВЕЛИКОЙ АННЕ,
ИМПЕРАТРИЦЕ
ВСЕЯ РОССИИ,
и прочая, и прочая, и прочая
ВО ВРЕМЯ ПОСЕЩЕНИЯ ЕЯ
АКАДЕМИИ НАУК,
ОБРАЩЕНИЕ
ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГИМНАЗИИ
ФЕВРАЛЯ 1736 ГОДА.

О, украшенья Империи, русского племени слава,
Отечества мать питающая, кого счастливые Музы
Касаются, которых вниманием своим почтить
Изволяешь, когда же ТЫ на их святилища смотришь,
Освещаешь: итак, ВЕЛИКАЯ, для высот
Рожденная, дела войны и мира по праву всюду вершащая
И столь старающаяся недремлющий светоч нести
Вкруг малых и важных дел, к великим
Привычная, ужель и для малых, еще неокрепших столь же
Доступная? Счастлива Академия так обитать.
Есть Меценаты, нет недостатка в Маронах¹⁹,
Чьи сочиненья у всех на устах, и им одного
Мановенья ВЕЛИКОЙ довольно, чтоб силой
Наполнился стих. О, если бы все воспылали любовью
К искусству и знанью, и множество мудрецов
Все являлось бы миру, и они наполняли бы
Станы ученые муз, а отвернувшиеся не презирали б похвал!
О если бы те, кому позволено быть счастливыми,
Сие возжелали б! Впрочем, это когда-нибудь в лучшем будущем,
Не лживая птица, и не благоволящий Аполлон
Мне напророчат. Ах, когда я не умею ТЕБЕ, ВЕЛИКАЯ,
Воздать по заслугам, пусть же воздаст тот, кто властвует
В небесных чертогах, и wspomогает нашим мольбам и обетам.
ОТПЕЧАТАНО В ПЕТЕРБУРГЕ,
В ТИПОГРАФИИ АКАДЕМИИ НАУК.

19 Здесь: автор «Энеиды», римский поэт Публий Вергилий Марон (Publius Vergilius Maron), член литературного общества, сформировавшегося вокруг государственного деятеля и покровителя искусств — Гая Цильния Мецената (Gaius Cilnius Maecenas).

* * *

На сегодня это небольшое сочинение — уникальный образец напечатанного отдельным листом панегирика Академической гимназии. Однако его появление вполне соответствует тогдашней панегирической традиции. На первую четверть XVIII в. пришлось петровские преобразования в экономике, государственном устройстве, культурно-политическом сознании, и, по всей видимости, в перестройке последнего царь видел залог устойчивости своих нововведений. При нем политически значимые события: военные и дипломатические победы, строительство судов и основание городов, высокие дни рождений и коронаций и пр. сложились в особую систему государственных праздников новой России, а устраиваемые по их случаю торжества приобрели характер ритуалов. Действенным механизмом этого культурного процесса стал панегирик, чья политическая ангажированность отчетливо проявилась как раз в поиске идеальной формы для прославления созданной Петром империи²⁰. Это свойство панегирика было востребовано на протяжении почти всего XVIII в., пока государство вело за собой просвещение, оставалось предметом культуры, темой философии, литературы, искусства²¹. В Российской империи многие панегирические произведения: торжественные речи и оды, триумфальные и погребальные надписи, описания к иллюминациям и фейерверкам и пр. были написаны членами Петербургской академии наук. Они умели подобрать соответствующий аллегорический сюжет и создать нужный эмоциональный настрой, владели риторическими приемами убеждения, знали тонкую грань критики и апеллировали к достижениям своей науки.

Примером «назидательно-научного» панегирика в духе Петербургской академии может служить выступление профессора Т. З. Байера перед Екатериной I 12 августа 1726 г.²² Уже в самом обращении к ней,

20 Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 8–9.

21 Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М., 2002. С. 443.

22 Эту дату по старому стилю называют в автобиографии сам Т. З. Байер и академические протоколы, тогда как историограф Академии Г. Ф. Миллер и последующие исследователи ошибочно указывают 1 августа 1726 г. См.: СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 105 б. Л. 21; Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4-х т. / под

среди россыпи традиционных эпитетов — «пресветлая, всемогущая, всемилостивейшая, великая», — он напомнил Екатерине и всем слушателям о ее роли в судьбе Академии: «Ваше императорское величество всемилостиво позволили, в присутствии своей священной особы, Вами учрежденному ученому обществу и с ним связанной Академии себя показать»²³. Таким образом речь сразу оказалась вписана в точный исторический контекст: «определение Академии в действо для пользы государства» указом, подписанным Екатериной 20 ноября 1725 г., и за два месяца до того сочиненным регламентом²⁴. Все, что Байеру оставалось сделать далее, — это, исходя из возможностей риторики и собственных знаний, развить мысль о вкладе императрицы в общее благо. Для этого было довольно просто показать преданность Екатерины ценностям предыдущего царствования, как это сделал, например, его коллега профессор Г. Б. Бюльфингер в первом публичном собрании Академии 27 декабря 1725 г.²⁵; но Байер пошел много дальше, уместно приведя примеры позитивного влияния женщин на ход русской истории. Он заговорил о том, что правители России задолго до Петра в тех случаях, когда не справлялись с «премудростями и искусством властвовать», обращались к политическому и культурному опыту других стран, и вектор тому был задан женщинами: покровительницей православия княгиней Ольгой и спутницей греческой учености принцессой Анной²⁶. Благодаря им, подчеркивал Байер, Россия сильно

ред. К. С. Веселовского. СПб., 1897. Т. 1. С. 5; МАН. СПб., 1890. Т. VI. С. 103; *Копелевич Ю. Х.* Основание Петербургской академии наук. Л., 1977. С. 106.

23 Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von *Theoph. Siegfried Bayern*, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst <...>. Leipzig, 1759. S. 607.

24 ПСЗ. Т. VII. № 4807; Учебные заведения Петербургской академии наук: документы и материалы (1724–1747 гг.) / под ред. Т. В. Костиной; подгот. текст. О. А. Кирикова, Т. В. Костина, М. Б. Лавринович. М., 2021. С. 49–66, 67–69 (на правах рукописи).

25 *Копелевич Ю. Х.* Основание... С. 94–97.

26 Иначе думал архиепископ Феофан Прокопович, в школе которого Байер преподавал и чьей ученостью всегда восхищался. По наблюдениям специалистов, для Прокоповича мудрость, сила, упорство были природными мужскими качествами, несвойственными женщинам, даже правительницам, которых он восхвалял в своих проповедях. См.: *Marker G.* The Gender Troubles of Feofan Prokopovich // *Canadian-American Slavic Studies*. 2020. Vol. 54. Iss. 1–3. P. 198–228.

выиграла, поскольку «византийский двор являлся тогда образцом правильно устроенного правления, а греческая нация — единственной охранительницей всех искусств и наук, в то время как Италия, Германия и остальная Европа, напротив, пребывали в распутной дикости и частью в большом беспорядке»²⁷. Придерживаясь концепции *translatio studii*, Байер подчеркивал, что Россия не просто раньше других «восприняла» культурное наследие Греции, но получила его по праву родства. И лишь последующие «великие расстройтва»: княжеские усобицы и монгольское нашествие не позволили ей «быть в первенстве». Но хуже всего, по мнению Байера, была наступившая затем вековая изоляция России, от которой она стала постепенно отходить при Алексее Михайловиче и уже окончательно оправилась при Петре I²⁸. И лишь отдав должное этим монархам, Байер сконцентрировался далее на Екатерине, которая, по его словам, много лет разделяла с Петром великие труды, а в последние, наиболее счастливые годы царствования — еще и власть²⁹. В качестве примера он привел один из самых драматичных эпизодов биографии самой царицы, да и всей страны: Прутский поход 1711 г., в «отчаянные времена» которого она вела себя очень мужественно. Кроме того, позорный провал этой кампании по-прежнему ранил самолюбие Петербурга, жаждавшего реванша над Портой. Так что обращение к этой не самой славной странице российской истории было явно преднамеренным.

Дело в том, что буквально за шесть дней до того, как Т. З. Байер произнес свой панегирик, Россия подписала союзный договор с Австрией и тем самым окончательно вошла в вестфальскую систему международных отношений, сложившуюся еще в XVII в. и основывавшуюся на формировании коалиций и военных союзов ради соблюдения баланса сил³⁰. Создавшееся в результате противостояние российско-австрийского и турецко-французского альянсов подталкивало стороны к конфликту. Возможно, Т. З. Байер удачно уловил момент, чутко почувствовал витающие вокруг настроения, услышал подтолкнувшие его к нужной теме разговоры или же просто получил прямые указания от какого-то близкого ко двору человека, например

27 Lobrede... S. 610–611.

28 Ibid. S. 611–612.

29 Ibid. S. 614–615.

30 Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб., 1994. С. 122–124; Зонова Т. В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. 2008. № 1. С. 79.

от президента Академии Л. Л. Блюментроста. Ряд косвенных признаков подтверждают заказной характер речи: акцент на имперские интересы России, подробности военной кампании, которые Т. З. Байер, лишь полгода назад прибывший в страну и совсем не знавший ее языка, вряд ли мог узнать самостоятельно (передвижение русских войск и обстоятельства их окружения, численность противника и пр.), и, не в последнюю очередь, немецкий язык панегирика — понятный без перевода самой императрице и, вероятно, всей аудитории. Кстати, и сам ученый в автобиографии 1733 г. обмолвился, что выступал в 1726 г. «по особому распоряжению Академии»³¹.

Правда, в Академии первых лет заказ речи конкретному автору был не самым привычным делом, он вошел в обычай лишь с начала 1730-х гг., с появлением в ней поэтически одаренного Г. Ф. В. Юнкера³². Пока же сочинительством традиционно занимались по очереди все профессора, невзирая на специальность. Например, 4 сентября 1730 г. Петербургскую академию наук посетил португальский инфант Эммануил и провел в ней четыре часа, осмотрев музей, библиотеку, типографию, конференц-зал и выслушав торжественные стихи, написанные по-немецки анатомом И. Вейтбрехтом, и латинскую речь математика Д. Бернулли³³. Для другого публичного собрания, которое Академия предполагала провести зимой 1731 г., в день рождения или именин Анны Иоанновны, выступить должен был уже юрист И. С. Бекенштейн³⁴. Из документов известно, что 29 января того же года Академическая гимназия также устроила у себя праздник по случаю дня рождения императрицы, пригласив на него профессоров и родителей знатных учеников. «Учащееся юношество Санкт-Петербургской гимназии» посвятило этому событию торжественный стих. Давно известен литературный перевод этого гимназического панегирика — ода Антиоха

31 СПбФ АРАН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 105 б. Л. 21 об.

32 О его творчестве см. подробнее: Алексеева Н. Ю. Русская ода... С. 92–113.

33 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 128–128 об. Этот документ — письмо И. Д. Шумахера к Л. Л. Блюментросту от 7 сентября 1730 г. — уточняет дату и программу визита: из него следует, что высокий гость все-таки заглянул в конференц-зал Академии, пусть и не во время заседания, что начисто отрицал Миллер. См.: МАН. Т. I. С. 637–640; Т. VI. С. 195–199; Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М., 2000. С. 204.

34 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167.

Кантемира «К императрице Анне в день ея рождения»³⁵. Кроме того, его латинский оригинал и русский подстрочник учтены справочниками и проанализированы специалистами³⁶. Однако анонимность первоначальных текстов мешала их точной атрибуции, пока не обнаружилось письмо главы Академической канцелярии И. Д. Шумахера к президенту Л. Л. Блюментросту от 28 января 1731 г. Отчитываясь в нем о подготовке к празднику, И. Д. Шумахер заодно сообщает о стихотворении, написанном к этому дню на латыни проректором И. Э. Фишером и переведенном на русский язык переводчиком И. Ильинским³⁷. Таким образом, гимназический панегирик 1731 г. теперь можно уверенно соотнести с ними. Зная близость Ивана Ильинского к Кантемирам (он был секретарем и переводчиком отца Антиоха — князя Дмитрия, а для него самого — первым учителем и наставником в переводческой деятельности), легко догадаться, каким образом панегирик Академической гимназии мог оказаться в руках А. Кантемира. К тому же есть сведения, что в 1731 г. он ожидал, что Анна Иоанновна в благодарность за его участие в возведении ее на престол пожалует ему должность президента Академии наук³⁸. Возможно, своим переводом панегирика, написанного от имени Академической гимназии, А. Кантемир хотел показать сопричастность к делам Академии.

Всякий раз, встречая гостей, Академия наук стремилась показать себя как можно лучше (неслучайно португальского принца провели по всем академическим залам и мастерским). Гимназия того времени была плоть от плоти Академии, ее неотъемлемой частью, поэтому гимназисты всегда выступали в торжественных академических актах: либо вместе с профессорами, либо самостоятельно. Им при этом, по словам И. Д. Шумахера, «выпадала прекрасная возможность проявить себя, тем более когда нужно всего-навсего прочесть подготовленную в стихах или в прозе речь»³⁹. Честь выступить перед высоки-

35 *Кантемир А.* Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и прим. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 211–213, 465–466.

36 Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: в 4-х тт. Л., 1984–2004 (далее – СКИК). № 2047; Редкие русские книги и летучие издания XVIII века / сост. Ю. Битовт. М., 1989. № 604; *Алексеева Н. Ю.* Русская ода... С. 72–73; *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия... С. 190–196.

37 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 178 об.

38 *Кантемир А.* Собрание... С. 15.

39 СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 3. Д. 16. Л. 167, 178 об.

ми гостями доверяли первым ученикам, на которых, действительно, можно было положиться. Вероятно, такими были гимназисты Тауберт и Бужанинов, с «благопристойной непринужденностью» выступившие перед принцем Эммануэлем в 1730 г., а также Люрсениус и Элиас, в 1731 г. прочитавшие перед родителями и профессорами на латыни и по-русски панегирик в честь Анны Иоанновны⁴⁰.

Соблазнительно думать, что это были еще и артистичные юноши, обладатели хорошей памяти, звонких голосов, прямой осанки. По крайней мере, так видел лучших учеников инспектор Т. З. Байер. Примерно в 1730 г. он составил инструкцию для воспитателя молодого дворянина, ищущего «счастье в гражданском состоянии»⁴¹, и у себя в Гимназии, вероятно, следовал тем же правилам. В частности, Т. З. Байер считал, что уже к 14 годам юноши должны уметь «говорить громко, отчетливо и с подобающим произношением»⁴². Этот навык они приобретали, произнося на уроках латыни тексты Цезаря, Цицерона и Ливия, после же знакомства с правилами стихосложения – еще и Овидия, а на уроках богословия — религиозно-философские сочинения, вроде «Земного наслаждения в Боге» Б. Г. Брокеса⁴³. Так же с выражением следовало читать исторические труды, ибо, подчеркивал Байер, «история сама по себе есть настойчивый и убедительный проповедник нравственности»⁴⁴. Окончательно ученики оттачивали «ум и стиль» во время занятий риторикой, пробуя себя в сочинении речей на заданную тему⁴⁵. Образцом подобного

40 Там же. Л. 128–128 об., 178 об. Речь идет об Иоганне Каспаре (Иване Ивановиче) Тауберте (1717–1717), сыне строителя мельниц из Саксонии, будущем адъютанте по истории (с 1738); о Михаиле Бужанинове (ок. 1717–?), сыне бригадира и коменданта Шлиссельбурга; о приехавшем из Кёнигсберга Филиппе Вильгельме Люрсениусе, племяннике академика Х. Гольдбаха; и, вероятно, о немецком уроженце Петербурга Иоганне Элиасе Циммермане (Johann Elias Zimmermann), поступившем в Гимназию в 1726 г. Сведения о них взяты из базы данных гимназистов, составленной Т. В. Костиной.

41 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–26 об. Подробнее см.: *Кирикова О. А.* Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1 (33). С. 59–72.

42 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 15.

43 Там же. Л. 6, 21–22 об. См.: *Herrn B. H. Brockes, Lti, R.H.S. Irdisches Vergnügen in Gott, bestehend in verschiedenen aus der Natur und Sitten-Lehre hergenommenen Gedichten <...>. Hamburg, 1721.*

44 СПбФ АРАН. Ф. 784. Оп. 1. Д. 34. Л. 14 об.

45 Там же. Л. 24.

первого литературного опыта является «орация» в защиту свободных искусств, написанная 3 января 1727 г. Василием Адодуровым, будущим адъюнктом, а пока — Петербургской гимназии учеником⁴⁶. Рассуждая о пользе постоянной усердной учебы, которая одна только способна доставить крепкие знания, он сравнил не пасующего перед тьмой невежества школяра с воином, стремящимся победить в каждом сражении долгой и трудной борьбы⁴⁷.

В 1735 г. давние противоречия между Россией и Турцией и их союзниками все-таки привели к войне; с этого времени связанные с ней образы перестали быть только фигурами речи и обрели реальные черты, вдохнули жизнь в панегирические произведения. Их гражданский пафос питался теперь известиями о победе русского оружия, и даже огромные потери, которые несла армия, провалы Крымских экспедиций 1735 и 1736 гг. не снизили градус восторга вечнопобедительного панегирика. Конечно, русско-турецкая война 1735–1739 гг. не вытеснила собой из общественного сознания остальные чувства и мысли, однако она упрямой энклитикой примыкала буквально ко всем панегирическим сюжетам. Такой ее можно увидеть, например, на титульном листе подносного стихотворения Я. Штелина, сочиненного по заданию Академии наук к очередной годовщине коронации Анны Иоанновны 28 апреля 1738 г. Профессор заимствовал тогда эпиграф из поэмы «Сильвы» Публия Папиния Станция: «И видеть отрадно лик, закаленный войной и благого исполненный мира»⁴⁸. Разумеется, военная тематика пришла и в ученические панегирики. Так, поздравляя императрицу с Новым 1737 годом, кадеты Сухопутного шляхетного корпуса благодарили ее за получаемые знания и за прививаемое им чувство принадлежности к благородному сословию, первая обязанность которого — защита Родины⁴⁹. Конечно, Академическая гимназия, в отличие от корпуса, была гражданским учреждением, но армия ждала и ее дворянских учеников. В том, что гимназическая наука нужна им и на войне, и в мирной жизни, убеждали, как мы помним, императрицу преподаватели Гимназии, когда в феврале 1736 г. готовились к встрече с ней.

46 Там же. Д. 50. Л. 1–6.

47 Там же. Л. 5–5 об.

48 СКИК. № 2762; Античные поэты об искусстве / пер. Ф. А. Петровского. СПб., 1996. С. 128.

49 Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века: в 5 тт. М., 1964. Т. II. № 5633.

Первые петербургские профессора перенесли на берега Невы привычную им традицию панегирика, похвалой фиксирующего каждое значимое событие в жизни государства, что быстро прижилось здесь, поскольку соответствовало этатизму внутривластного курса страны. При этом в Европе панегирик смотрелся гармонично и в частной сфере, его окказиональный характер соответствовал, например, камерным поздравлениям, что писали ученики Торуньской гимназии ректору Петру Йенихену, проректору Георгу Петеру Шульцу, а также мэру города и бывшему ученику Гимназии Яну Готфриду Рёзнеру по случаю именин⁵⁰. В России высокий стиль панегирика, его гражданская направленность дали ему пропуск в высшие сферы, которые он не спешил покидать, по крайней мере в стенах Академии, хотя иногда все же «сходил с небес на землю». Например, в эпиталаме на свадьбу профессора математики Леонарда Эйлера и Екатерины Гзель, написанной, вероятно, его коллегой Г. Ф. В. Юнкером в декабре 1733 г.⁵¹ При этом уже к середине XVIII в. идея «общего блага», традиционно бытующая в панегирике, отлаженным рефреном звучала не только в нем. Например: «Желаем лишь скорее вновь увидеть Вас дома, — писал профессор И. Г. Гмелин молодому коллеге, — дабы не лишиться Ваших прекрасных работ, которые Вы исполнили ради общего блага, преодолев многие тяготы»⁵². Или: «Сенатор и президент Коммерц-коллегии князь Борис Григорьевич Юсупов просил меня составить для него и общей пользы ради подробный рассказ о сибирских торгах», — вспоминал профессор Г. Ф. Миллер в автобиографии; «В общей пользе

50 *50 Diem festvm mnesosinae D. Petri et Pavli sacrvm viris <...> Petro Jaenichio gymnasii thorunensis rectori <...> et Georgio Petro Schultz doctori et professori eivsdem gymnasii longe dignissimo patronis favoribus ac studiorum promotoribus aetatem colendis nominalem exoptatissimvm A MDC-CXV, d XXIX Junii <...>; Viro, magnifico, nobilissimo <...> domino Joanni Godofredo Roesnero, burggrabio regio, pro-cons. et proto-scholarchae in regia hac civitate thorunensi <...> De feliciter reducente nominale die d. 24. Juni MDCCXIV. Rudi quidem carmine <...> gratulabantur gymnasii thorvnensis trium superiorum classium audotores.*

51 СКИК. № 1098; оригинал и перевод опубли.: Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы. СПб., 2022. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. С. 86–87 (перевод с нем. О. А. Кириковой).

52 *Joannis Georgii Gmelini, <...> Reliquias quae supersunt commercii epistolici <...>. Stuttgartiae 1861. P. 5–9.*

я собственную чаю!» — восклицал А. Кантемир⁵³. Тем же воодушевленная и Петербургская гимназия, ища для себя поддержку у абсолютного монарха, который среди великих забот войны и мира должен был, по ее мнению, найти время и силы для «малых» дел наук и знаний.

Источники и литература

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН).

Алексеева Н. Ю. Русская ода: развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб.: Наука, 2005. 371 с.

Анисимов Е. В. Россия без Петра: 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994. 496 с.

Античные поэты об искусстве / пер. Ф. А. Петровского. СПб.: Алетейя, 1996. 246 с.

Живов В. М. Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // Живов В. М. Разыскания в области истории и предисории русской культуры. М.: Языки славян. культуры, 2002. С. 439–460.

Зонова Т. В. Вестфальская система // Вестник МГИМО – Университета. 2008. № 1. С. 78–80.

Кантемир А. Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и прим. З. И. Гершковича. Л.: Советский писатель, 1956. 548, [2] с.

Кирикова О. А. Мнение Петербургской академии наук о воспитании юного дворянина в 1730-х гг. // Петербургский исторический журнал. 2022. № 1 (33). С. 59–72.

Кирикова О. А. Дворянское образование в России 1730-х гг. и педагогические взгляды Леонарда Эйлера // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2022. Т. 13. Вып. 4 (114).

Копелевич Ю. Х. Основание Петербургской академии наук. Л.: Наука; Ленингр. отд., 1977. 212 с.

Либушкин Д. Л. Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М.: изд-во РГГУ, 2000. 278 с.

Материалы для истории Императорской академии наук: в 10 т. / под ред. М. И. Сухомлинова. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1886. Т. II. 886 с.;

⁵³ РГАДА. Ф. 199. Оп. 1. Портф. 249. Ч. 1. Л. 53; *Кантемир А.* Собрание... С. 214.

Т. III. 899 с.; 1890. Т. VI: История Академии наук Г. Ф. Миллера с продолжениями И. Г. Штриттера (1725–1743). 636 с.

Петр Великий и основание Петербургской академии наук. Документы и материалы: в 2-х ч. СПб.: Нестор-История, 2022. Ч. 2 / ред.-сост. Е. Ю. Басаргина. 280 с.

Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. VII. СПб.: тип. 2 Отделения С.Е.И.В. канцелярии, 1830. 922 с.

Протоколы заседаний Конференции Императорской академии наук с 1725 по 1803 года: в 4-х т. / под ред. К. С. Веселовского. СПб.: тип. Имп. акад. наук, 1897. Т. 1. 879 с.

Редкие русские книги и летучие издания XVIII века / сост. Ю. Битовт. М.: Книга, 1989. VIII, 608, 16 с.

Сводный каталог книг на иностранных языках, изданных в России в XVIII веке: в 4-х тт. Л.: Наука; Ленингр. отд., 1984. Т. I. 372; 1985. Т. II. 390 с.; 1986. Т. III. 276 с.

Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века (1725–1800). М.: изд-е Гос. библиотечки СССР им. В. И. Ленина, 1964. Т. II. 516 с.

Учебные заведения Петербургской академии наук: документы и материалы (1724–1747 гг.) / под ред. Т. В. Костиной; подгот. текст. О. А. Кирикова, Т. В. Костина, М. Б. Лавринович. М., 2021. 373 с. (на правах рукописи).

Diem festum mnemosinae D. Petri et Pavli sacrum viris nobilissimis excellentissimis atque doctissimis Petro Jaenichio gymnasii thorunensis rectori optime merito et Georgio Petro Schultz doctori et professori eiusdem gymnasii longe dignissimo patronis favoribus ac studiorum promotoribus aetatem colendis nominalem exoptatissimum A MDCCXXV, d XXIX Junii devota mente ac manu gratulatur Michael Frid. Tennigs Regiom. Pr. LL. AA. St. Thorunii, Impressit Joh. Nicolai Nob. Senat. Et Gymn. Typographus. 4 p.

Herrn B. H. Brockes, Lti, R.H.S. Irdisches Vergnügen in Gott, bestehend in verschiedenen aus der Natur und Sitten-Lehre hergenommenen Gedichten nebst einem Anhang etlicher hieher gehörigen Uebersetzungen von des Hrn. de la Motte Frantzösis-Fabeln, mit Geneymhaltung des Herrn Verfassers nebst einer Vorrede herausgegeben von E. F. Weichmann. Hamburg, 1721. 259 p.

Historia ecclesiastica carmine elegiaco concinnata. Authore Thoma Hobbio Malmesburiensi. Opus Posthumum. Fraudisque dolique insidiaeque et vis, et amor sceleratus habendi. Ovid. Met. Augustae Trinobantum : anno salutis, 1688. 126 p.

Joannis Georgii Gmelini Reliquias quae supersunt commercii epistolici cum Carolo Linnaeo, Alberto Hallero, Guilielmo Stellero et al., Floram Gmelini sibiricam ejusque Iter sibiricum potissimum concernentis, ex mandato et sumtibus Academiae scientiarum Caesariae Petropolitanae publicandas curavit Dr. Guil. Henr. Theodor Pleininger, etc. Stuttgartiae : typis C. F. Heringiana, 1861. 196 p.

Lobrede an die weil. Russische Kaiserinn Katharina, bey Einweihung der Akademie der Wissenschaften zu Petersburg, gehalten, von *Theoph. Siegfried Bayern*, P. P. aus Königsb. in Preußen // Johann Christoph Gottscheds Ausführliche Redekunst nach Anleitung der alten Griechen und Römer, wie auch der neuern Ausländer, in zweenen Theilen verfasst... Die 5. Auflage. Leipzig: Verlegts Bernhard Christoph Breitkopf, 1759. 736 S.

Lusus poetici allegorici. Sive elegiae oblectandis animis et moribus informandis accommodatae. In tres libros, aut Decurias distributae. Autore *P. Petro Justo Sautel*, Societatis jesu. Cum facultate superiorum, et privilegio serenissimi electoris Bavaria. IHS Monachii, Suptibus Joannis Hermannia Gelder, bibliopolae electoralis. Typis Sebastiani Rauch. 1689. 178 p.

Marker G. The Gender Troubles of Feofan Prokopovich // *Canadian – American Slavic Studies*: Brill / Schönningh, 2020. Vol. 54. Iss. 1–3. P. 198–228.

Tarqvinii Gallvtii Sabini e Societate Iesv Carminvm Libri Tres. Altera editione plurimum aucti Nunc in Germania primum excusi. Ingolstadii, Per Elisabetham Angermarsam Giduum. 1616. 490 p.

Viro, magnifico, nobilissimo amplissimo consultissimoque domino Joanni Godofredo Roesnero, burggrabio regio, pro-cons. et proto-scholarchae in regia hac civitate thorunensi, Longe meritissimo gravissimoque De feliciter redunte nominale die d. 24. Junii MDCCXIV. Rudi quidem carmine sed demissa mente gratulabantur gymnasii thorvnensis trium superiorum classium audotores. Thorvnii, impressit Joh. Nicolai, Nobil, Senat. et Gymn. Typogr. 4 p.

References

Alekseeva, N. Iu. *Russkaia oda: razvitije odicheskoi formy v XVII–XVIII vekakh*. St Petersburg: Nauka, 2005, 371 p.

Anisimov, E. V. *Rossia bez Petra: 1725–1740*. St Petersburg: Lenizdat, 1994, 496 p. *Antichnye poety ob iskusstve*, transl. by F. A. Petrovskii. St Petersburg: Ale-teia, 1996, 246 p.

Kantemir, A. *Sobranije stihotvorenii*. Leningrad: Sovetskii pisatel', 1956, 548, [2] p.

Kirikova, O. A. “Mnenije peterburgskoi akademii nauk o vospitanii iunogo dvorianina v 1730-kh gg.” *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*, 2022, No. 1 (33), pp. 59–72.

Kirikova, O. A. “Dvorijskoje obrazovanie v Rossii 1730-kh gg. i pedagogicheskije vzgliady Leonarda Eilera.” *Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal “Istoriia”*, 2022, Vol. 13, issue 4 (114).

Kopelevich, Iu. Kh. *Osnovaniye Peterburgskoi akademii nauk*. Leningrad: Nauka; Leningr. otd., 1977, 212 p.

Liburkin, D. L. *Russkaia novolatinskaia poezii: materialy k istorii. XVII – pervaya polovina XVIII veka*. Moscow: izd-vo RGGU, 2000, 278 p.

Marker, G. “The Gender Troubles of Feofan Prokopovich.” *Canadian – American Slavic Studies*: Brill / Schönningh, 2020, Vol. 54, issue 1–3, pp. 198–228.

Petr Velikii i osnovaniye Peterburgskoi akademii nauk. Dokumenty i materialy: in 2 parts. Part 2, ed. by E. Iu. Basargina. St Petersburg: Nestor-Istoriia, 2022, 280 p.

Svodnyi katalog knig na inostrannykh iazykakh, izdannykh v Rossii v XVIII veke: in 4 vols. Leningrad: Nauka; Leningr. otd., 1984–1986.

Svodnyi katalog russkoi knigi grazhdanskoi pechati XVIII veka (1725–1800). Moscow: izd-e Gos. bibl-ki SSSR im. V. I. Lenina, 1964, Vol. II, 516 p.

Uchebnyye zavedeniia Peterburgskoi akademii nauk: dokumenty i materialy (1724–1747 gg.), ed. by T. V. Kostina. Moscow, 2021, 373 p. (na pravakh rukopisi).

Zhivov, V. M. “Gosudarstvennyi mif v epokhu Prosveshcheniia i ego razrusheniye v Rossii kontsa XVIII veka.” *Zhivov V. M. Razyskaniia v oblasti istorii i predystorii russkoi kul'tury*. Moscow: Yazyki slavyan. kul'tury, 2002, pp. 439–460.

Zonova, T. V. “Vestfal'skaia sistema.” *Vestnik MGIMO – Universiteta*, 2008, No. 1, pp. 78–80.

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

O. A. Kirikova

Panegyrics of the first professors of the Petersburg Academy of Sciences and their students

Olga A. Kirikova

Senior researcher

St. Petersburg Branch of the Archives of the Russian Academy of Sciences
196084, ul. Kievskaya, 5, korp. 9, str. 1, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: kirikova.o@bk.ru

ORCID: 0000-0002-2527-5815

Citation

Kirikova O. A. Panegyrics of the first professors of the Petersburg Academy of Sciences and their students // *Slavic Almanac*. 2022. No 3–4. P. 261–278 (in Russian). DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.01

Received: 27.06.2022.

Abstract

In the 18th century, the panegyric was a crucial part of Russian culture. Now it is a kind of special chronicles of the past, vital evidence of real events and people. In 1735, the president of the Petersburg Academy of Sciences I. A. Korff reformed the Academy's Gymnasium. Striving for the new Academy's staff, he meanwhile intended to show Empress Anna Ioannovna of Russia the intermediate results of the reforms of the whole Academy. In February 1736, it might well have caused the panegyric on Anna Ioannovna written on behalf of the Gymnasium either by its inspector T. S. Bayer or by the rector of Latin classes I. E. Fischer; that panegyric was printed then by the Academy. The article not only reveals the historical context of the panegyric, but also offers its Russian translation made by the author of the article and goes into details about the creation of another panegyric, that of 1731, which was expressed in verse by A. Cantemir from a literal translation by Ivan Ilyinsky.

Keywords

Panegyric, reforms, Petersburg Academy of Sciences, Academy's Gymnasium, I. A. Korff, T. S. Bayer, I. E. Fischer, A. Cantemir.

УДК 94

DOI 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

М. А. Робинсон

**Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве
(после его переезда в Петроград)**

Робинсон Михаил Андреевич
Доктор исторических наук, руководитель центра
Институт славяноведения РАН
119991, Ленинский проспект 32-А, Москва, Российская Федерация
E-mail: m.a.robinson@mail.ru
ORCID: 0000-0003-3917-1360

Цитирование

Робинсон М. А. Руководство В. Н. Перетца своими учениками в Киеве (после его переезда в Петроград) // Славянский альманах. 2022. № 3–4. С. 279–334. DOI: 10.31168/2073-5731.2022.3-4.3.02

Статья поступила в редакцию 10.08.2022.

Аннотация

В статье на основании писем В. Н. Перетцу, хранящихся в его архиве, раскрывается характер его отношений с учениками. Интриги политических недоброжелателей не позволили Перетцу перевести часть киевских учеников в Петроград, куда он должен был переехать после избрания в Академию наук. Однако благодаря активной переписке с В. М. Отроковским и Ф. П. Сушицким он продолжал быть в курсе их научной деятельности. Письма учеников дают представление о том, как Перетц продолжал руководить их работой, что советовал или критиковал, как помогал организовать через Отделение русского языка и словесности Академии наук и академика А. А. Шахматова снабжение научной литературой и средствами для командировок. Письма обоих учеников свидетельствуют о том, как ответственно относились они к поручениям учителя, которые в основном были связаны с наблюдением за изданиями в Киеве «Отчетов» о научных экспедициях Семинария. Перетца интересовала и педагогическая работа учеников, тем более что она была связана с женской гимназией и Высшими женскими вечерними курсами А. В. Жекулиной, где он сам преподавал и организовал выпуск двух номеров «Летописи» курсов. Оба его ученика скончались в период Гражданской войны, не успев закончить свои основные научные работы. Перетцу удалось опубликовать окончание диссертации Сушицкого